

Несколько субстратных включений в русских говорах
Костромской области (с о р ъ е з, т о х т а, ш о х р а)

Лексика русских говоров Костромской области почти не изучена. До сих пор нет и словаря костромских говоров. Тем не менее наряду со сбором лексического материала следует, не откладывая, развернуть этимологическое изучение тех специфических лексем Костромского края, которые уже стали достоянием лексикографии, имея в виду, что "... одной из основных причин возникновения диалектных особенностей лексического порядка (и не только лексического) является воздействие иноязычных стихий, влияющих или влиявших на русские говоры, то есть результаты контакта или смешения с другими языками. Такое влияние во многих случаях было обусловлено наличием субстрата... что является в целом общеизвестным, но в деталях еще недостаточно изученным фактором образования местных лексических особенностей"¹.

Славяне на территории Костромской области появились лишь в конце XI в.² То, что они встретились здесь с иноязычным населением, доказывается наличием значительного слоя топонимии явно нерусского происхождения, во многом сходной с субстратной топонимией Архангельской и Вологодской областей³. В фонетике в этом отношении представляет интерес наличие альвеолярного *ʃ* на месте зубного *ʃ*.

Следы языкового контакта обнаруживаются и в лексике русских говоров Костромской области. Для выявления этих следов и установления их происхождения необходим анализ слов, распространенных только в Костромской области.

1. А.И.Попов. Некоторые вопросы и задачи исследования лексики русских говоров. — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1966, с.5.
2. Е.И.Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961, с.236.
3. О.В.Востриков. Русская топонимия субстратного происхождения на территории Костромской области (рукопись). Свердловск, 1976, с.71.

Данная заметка и посвящена анализу нескольких таких слов.

С о р ь е з

С о б р и у з. Рыба в небольших речках водящаяся из рода форелей величиною с окуня и весьма вкусная. Костр. губ. Кологр. уезд. ДО, 250.

С о б р и у с, с о р ь е з. Рыбка из рода форелей (хариус?). Костр. губ. Даль IY, 274.

С о б р ь е з, с о б р ь ё з, с о б р ь я з, о б р ь я с. Харкус. Костр. Кологр, Межев, Чухл. СТЭ.

/сoб'jes на ўду ўд'яцца/ он на быстрых м'естах жив'от/ Костр. Чухл, Панкратовский сельсовет.

/сoб'jes ёто сáмни насто́я́щи хáр'кус/ Костр. Кологр, Понговский сельсовет.

/хáр'кус jес'/ сoб'jeзом jевó у нáс зову́т/ Костр. Межев, Никольский сельсовет.

Наиболее обычна форма с о б р ь е з, засвидетельствованная СТЭ неоднократно.

Записи СТЭ снимают знак вопроса в словарной статье В.И. Даля. Сорьез – костромское диалектное название хариуса (*Thymallus Thymallus*).

В "Словаре названий пресноводных рыб СССР" среди диалектных названий хариуса приводится и следующее: "Серьёз-рыба рр. Княжья, Унка; урал: башк"¹. Форма серьёз-рыба возникла из сорьез, вероятно, под влиянием народной этимологии (эта рыба считается в Костромской области очень ценной). Но как объяснить распространение костромского диалектизма в Башкирии? Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо обратиться к источникам "Словаря названий пресноводных рыб СССР". На распространение слова серьёз-рыба в Башкирии указывает, согласно словарной статье, А.И.Световидов. У него читаем: "... серьёз-рыба, кутема (Уфимская и Оренбургская губ.)"². Серьёз-рыба стоит рядом с башкирским названием хариуса, а о распространении слова в бассейне р.Унка не говорится совсем.

В свою очередь, А.И.Световидов пользовался капитальным

---

1. Г.У.Линдберг, А.С.Герд. Словарь названий пресноводных рыб СССР. Л., 1972, с.115.

2. А.И.Световидов. Европейско-азиатские хариусы. – "Тр.Зоологич.ин-та АН СССР", т.3. М., 1936, с.218.

трудом по ихтиологии России Л.П.Сабанеева. У Л.П.Сабанеева в примечании к статье о хариусе находим буквально следующее: "*Thymallus vulgaris* Nills. По всей Сев.России хариус, харь-из, харез; в верховьях Волги неправильно сиг; на р.Княжей, впадающей в Унку, серъез-рыба (исковерканное хариус); в Уфимской и Оренбургской губерниях употребительно башкирское название кутема"¹.

Очевидно, А.И.Световидов ошибся, используя именно этот источник.

А.И.Попов считает слово соръез мерянским². Не отрицая такой возможности, ограничимся чисто лингвистическим анализом, не связывая его с каким-либо определенным этносом.

Сразу обращает на себя внимание тождество значений и определенная фонетическая близость слов соръез и хариус (ср. харъиз и др.), что наводит на мысль о возможном родстве этих слов.

В отличие от русск.диал. соръез диалектные соответствия литературному хариус (хайриуз, хариуиз, хариэ, хайрус, харъиз, гайрус, гариуиз, гариус, гариуэ, гариэ, хайруэ, харис, харлэз) распространены чрезвычайно широко: Ленинградская, Новгородская и Кировские области, русский Север, Урал, Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток (СНПР, II4-II7).

Слово хариус и его диалектные соответствия восходят к прибалтийско-финским языкам: ср. фин. *harju*, *harjus*, карел. *harjuš*, вепс. *har'duz*, *har'gus*, лив. *harduz*, *har'dūz* "хариус" (OFLR, 237). М.Фасмер и Ю.Тойвонен, исходя из того, что прибалтийско-финское слово не имеет соответствий в других финно-угорских языках, рассматривают его как германское заимствование (норвеж. шв. *har* "хариус") (Фасмер IV, 224; SKES I, 58), правда, Ю.Тойвонен, сомневаясь в правильности этимологии, сопровождает ее знаком вопроса.

---

1. Л.П.Сабанеев. Рыбы России. Жизнь и ловля наших пресноводных рыб. М., 1874, с.282.

2. А.И.Попов. Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимики СССР. - В кн.: Вопросы финно-угорского языковедения. Грамматика и лексикология. М.-Л., 1964, с.205.

Литературное харкус имеет, видимо, "искусственный" характер, так как в говорах представлены формы, более точно соответствующие прибалтийско-финским оригиналам (харьюз, харьюс, гарьюз и т.д.). По аналогии с существующими в русском языке дублетами типа воскресенье – воскресенье, житье – житие, Наталья – Наталия, Марья – Мария, где второй член осознается как книжный вариант, было образовано и литературное харкус от русск. диал. харьюс (форма харьюс засвидетельствована уже в словаре Академии Российской 1794 г.)¹.

Таким же образом возникли и формы соризуэ, соризуэс, зафиксированные в Дополнении к Опыту и в словаре В.И. Даля. Не случайно эти формы отсутствуют в картотеке СТЭ, в то время как форма сорьез записана сотрудниками экспедиции десятки раз.

Поскольку русск. диал. харьюз, харьюс и т.д. имеют прибалтийско-финское происхождение, русск. диал. сорьез следует попытаться объяснить с помощью финно-угорских языков. Прежде всего необходимо интерпретировать соответствие начальных $h \sim \sim$ в языках-источниках. Как известно, финно-угорское $*h$ в прибалтийско-финских языках дает h , а в саамском не только h , но и h^2 , ср., например:

фин. haara, карел. hoaba, лхд. huab, huab², hoabu, вепс. hab "осина" = саам. норв. suppe "осина";

фин. haaga, карел. hoaga "развилка, раздвоенный сук; ветвь" = саам. норв. suogge "развилостый сук";

фин. halla, карел. halla, лхд. hallu "изморозь" = саам. норв. suol'dne "изморозь";

фин. hirvas, карел. hirvaй "олень" = саам. норв. sårves "олень" (SKES I, 46, 47, 51, 77).

Что касается соответствия $o \sim a$ в первом слоге в языках-источниках, то следует иметь в виду соответствие саам. $uo \sim$ фин. a (саам. luokta "морской залив" – фин. lahti "залив")³.

Большинство исследователей склонно рассматривать финский

1. Словарь Академии Российской, ч. 6. СПб., 1794, с. 503.
2. См. напр.: G. Lakó. Proto finno-ugric sources of the hungarian phonetic stock. Budapest, 1968, с. 51.
3. K. Wiklund. Entwurf einer urlappischen Lautlehre. MSFOu, X, 1. Helsingfors, 1898, с. 8.

язык как отражающий более древнюю ступень финно-угорского вокализма и, следовательно, в саамском языке "древнее а во многих случаях перешло в *uo* (саам. *guolla* "рыба" – фин. *kala* "рыба")¹.

К.Виклунд, однако, иначе подходит к решению данного вопроса. По его мнению, финно-угорское *o дадо в древнесаамском *o* (> *uo*), а в финском *a*. Если даже саамское *uo* развилось из *a, то этот переход произошел через закрытое *o*². Следовательно, *o* в русск.диал. сорьез может отражать вокализм саамского типа.

Таким образом, с фонетической стороны русск.диал. сорьез объясняется данными саамского языка. Это не противоречит тому факту, что значительный слой субстратной топонимии Костромской области обнаруживает сходство с субстратной топонимией Архангельской и Вологодской областей, имеющей финно-угорское происхождение (в значительной степени – саамское)³.

Используя данные саамского языка, можно показать, что субстратное слово, усвоенное в костромских говорах в форме сорьез (А.И.Попов указывает также на форму сорьяз)⁴, соответствует финно-угорскому слову, заимствованному из прибалтийско-финских языков в форме харьяз, харьюз (колебания *с-з* в том и другом случае можно объяснить как неразличением звонкого и глухого на конце слова в им.п.ед.ч., ср., например, колебания в русск.диал. лабаз – лабас, чибез – чибис, так и особенностей языков-источников, ср., например, фин. *harjua*, но *veno*. *harduz*).

В живых саамских диалектах, однако, нет слова, которое могло быть заимствовано русскими в виде сорьез. Ср. саам. *patu*.

---

1. Gy.Decsy. Einführung in die finnisch-ugrische Wissenschaft. Wiesbaden, 1965, s.200.

2. K.Wiklund. Entwurf einer urlappischen Lautlehre, s.130.

3. См.: А.К.Матвеев. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории Севера Европейской части СССР. Докт. дис. Свердловск, 1970.

4. А.И.Попов. Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимии СССР, с.205.

saavel, саам.нот. saavel, саам.кильд. saavel', саам.йок. saavel, саам.шм. saavel, саам.акк. saavel', саам.норв. saavel "хариус" (ККВ I, 511). Значит, русск. диал. сорьез следует возводить к какому-то неизвестному финно-угорскому языку, в фонетическом отношении имеющему определенное сходство с саамским.

Т о х т а

Т ó х т а, т о х т á. Гнилое дерево, гнилая сердцевина дерева. Костр. Кологр, Межев, Чухл. СТЗ.

[тохта как гн'ил' / вата / врод'е гупк'и / Костр. Кологр, Черменинский сельсовет.

[тохта / д'ер'аво др'аво / пор'исто / на ул'ен ид'от / Костр. Межев, Никольский сельсовет.

Близкое соответствие русск. диал. тохта обнаруживается в прибалтийско-финских языках. Ср. фин. диал. tohko "гнилое дерево, старая вещь". Кроме этого слова, в финском языке есть большое количество однокоренных слов, имеющих разнообразные значения, указывающие на ломкость, хрупкость, рыхлость, изношенность, пустотелость и т.д. Например, фин. tohkaantua, tohkauta (юго-западные диалекты) "становиться ломким, потлевать, гнить" (SKES V, 1321).

Для объяснения соответствия hk ~ ht необходимо привести примеры русских заимствований из прибалтийско-финских языков: фин. vehka, лив. vehku, вепс. vehk "белокрыльник", лат. vehk "вахта трилистная" > русск. вахта "трилистник"¹, карел. piika, лат. piik "смола", вепс. piik "большой хвойный лес", вод. piiku "сосна" > русск. диал. пикка, пивка, пикта "смола, молодой хвойный лес" (ОФЯ, 186), а также, согласно В.А. Меркуловой, пикта "Abies Sibirica"²; карел. uhku "снежная каша, мелкие крошки льда, снежная грязь", фин. uhku "вода, выступившая на лед, ледяная каша" > русск. диал. ухка, ухта, бухта

1. См.: А.Р. Матвеев. Русская топонимика финно-угорского происхождения, с. 350; В.А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, с. 38.

2. В.А. Меркулова. К этимологии слова пикта. - В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. I. М., 1950, с. 46-51.

"снег на льду, мелкие крошки льда, вода, выступившая на лед" (OFLR, 234). По мнению В.А.Меркуловой, в этих случаях "мена -х- на -хт- ... естественна и не единична, так как сочетание -х- нехарактерно для русской фонетической системы"¹. Следовательно, изменение *tohko* > *тохта* вполне могло произойти при русском усвоении прибалтийско-финского слова. Но не исключено, что форма *тохта* отражает колебание *hk* ~ *ht* в языке-источнике (или языках-источниках). Ср., например, фин. *rehka* "гнилое дерево", карел.-лив. *rehko* "сухое или гнилое дерево (пень)", "куст", вод. *rehko* "куст", эст. *rõhk*, диал. *rõkk* "солома, подстилка (из соломы)", но лив. *rõkt* "мелкая пыль" (SKES III, 508-509); фин. *hieho*, *hieho*, *hehko*, *hehto*, *ehko* "телка" (SKES I, 72).

Изменение конечного гласного о в а обычно для русских диалектных слов иноязычного происхождения: существительные с конечным гласным в русском языке чаще всего попадают в категорию ж.р. и приобретают окончание а (OFLR, 66).

Таким образом, фонетическая и семантическая связь русск. диал. *тохта* и фин.диал. *tohko* очевидна. Но говорить о прибалтийско-финском субстратном включении в костромских говорах было бы ошибкой: данные топонимии свидетельствуют о том, что прибалтийско-финское население до прихода славян жило значительно севернее и северо-западнее той территории, на которой фиксируется русск.диал. *тохта*². Поэтому думать можно лишь о субстратном включении из какого-то финно-угорского языка, обнаруживающего в области лексики черты сходства с прибалтийско-финскими языками.

Ш о х р а

Ш ó х р а, ш о х р á. Гнилой, низкорослый лес на болоте. Костр. Чухл; Киров, Даров, Котельн, Халт. СТЭ.

/шхрá на бoлoт'ь гн'илáйь/ н'и ф'кaкóйь д'eль н'e'гид'я-цъ/ Костр.Чухл, Шартановский сельсовет.

1. В.А.Меркулова. К этимологии слова *пихта*, с.51.

2. См.напр.: А.К.Матвеев. Русская топонимика финно-угорского происхождения..., с.577.

[там шохра такаја/ н'е прол'ез'еш/ Костр. Чухл, Чертовский сельсовет.

Даль IV, 642: "Шохра, шохра́, шогра или согра, кстр. зап. лес по болоту".

Словарь говоров Соликамского района: "Шохра́. То же, что согра. с.Осокино". Беляева, 696.

Русск. диал. шохра связывал с русск. диал. шогра и согра уже В.И. Даль. Действительно, значения этих слов очень близки, ср. "шогра - лес, растущий на сырых местах" СТЗ; "согра - мохровое, вязкое болото с редким невзрачным ельником" (Куликовский, IIО), "согра - сырая, поросшая высоким частым ельником и вереском местность" (Подвысоцкий, I60). Близки эти слова и в фонетическом отношении. Но объяснить соответствие согра (шогра) ~ шохра на русской почве невозможно, так как в костромских говорах г имеет взрывной характер, а с не переходит в ш.

Картографирование этих трех слов показывает, что русск. диал. шохра и русск. диал. шогра четко локализованы: шогра, по данным СТЗ, фиксируется лишь на территории, ограниченной четырехугольником озер Лача, Воже, Белое и Лекимозеро (юго-запад Каргопольского района Архангельской области и северо-запад Вологодской области), шохра -- на территории Чухломского района Костромской области, а также в Кировской и Пермской областях (куда оно было перенесено русским населением). Русск. диал. согра распространено к северо-востоку от ареалов шохры и шогра. Поскольку нет оснований утверждать, что согра > шогра или шогра > шохра (равно как и согра > шохра) на русской почве, можно предположить субстратное происхождение слова шохра в костромских говорах. Это предположение подтверждается отмеченной А.К. Матвеевым корреляцией основ ягр-, яхр- "озеро" в субстратной топонимике русского Севера¹. Основа ягр- распространена в Архангельской области, а яхр- в Вологодской, Костромской и даже южнее - в Ярославской, Владимирской и Московской областях. Таким образом, русск. диал. шохра по происхождению может быть связан с финно-угорским языком, оставившим топонимизм на яхр-. Соответствие начальных с ~ ш также может быть

---

1. А.К. Матвеев. Русская топонимика финно-угорского происхождения. С. 496.

объяснено с помощью финно-угорских языков: прибалтийско-финское и соответствует, например, марийскому ш^1 . Понятно, что в костромских говорах русск. диал. шокра, а в вологодских и архангельских русск. диал. шогра оставил не марийский язык (в самом марийском языке этим словам, возможно, соответствует $\text{ш}^1\text{г}^1\text{р}^1$, $\text{ш}^1\text{г}^1\text{р}^1$ "лес" с метатезой группы $-\text{г}^1\text{р}^1-$)², а вымерший финно-угорский язык, имеющий определенные черты сходства и с марийским.

Анализ субстратных включений в русских говорах Костромской области дает, на первый взгляд, совершенно противоречивые результаты. Одно слово объясняется с помощью саамского языка, другое – с помощью прибалтийско-финских данных, третье связывается с языком, обнаруживающим сходство с марийским. Все эти данные, однако, можно интерпретировать в свете предположения А.К.Матвеева о наличии севернофинского субстрата. Согласно этому предположению, "под позднейшим прибалтийско-финским субстратом и саамским суперстратом сравнительно позднего происхождения находится мощный пласт, созданный различными лингвотническими коллективами, языки которых занимали промежуточное положение между прибалтийско-финскими и саамским языком и волжско-финскими языками (прежде всего марийским). Древние языки Севера были значительно ближе друг к другу, чем современные прибалтийско-финские и волжские языки. В сущности, постулируемая группа прибалтийско-саамско-волжских языков является одним из недостающих звеньев в семье финно-угорских языков, утратившей ряд своих ветвей"³.

Костромские субстратные включения по происхождению и связаны, на наш взгляд, с одним или несколькими такими севернофинскими языками. Хотя субстратный пласт в лексике костромских говоров, видимо, слаб (вследствие ранней ассимиляции древнего населения славянами), он не перекрыт здесь прибалтийско-финским и саамским суперстратом, что делает задачу изучения субстратных включений в русских говорах Костромской области особенно важной.

1. Основы финно-угорского языковедения. М., 1974, с.121.

2. А.К.Матвеев. Русская топонимика финно-угорского происхождения., с.559.

3. А.К.Матвеев. Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера. – ВП, 1969, №5, с.51-52.